

СУППОЗИЦИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ТРАКТАТАХ О ПРЕДПИСАНИЯХ*

Е. Н. Лисанюк

Теория суппозиции, или теория свойства терминов, — это средневековое учение об изменении значения слов в зависимости от контекста употребления. Логический диспут, или логическая игра с предписаниями, — тоже особый средневековый жанр, в котором описываются правила диалога двух участников, производящих ходы по правилам логического вывода. Оба учения — и теория суппозиции, и логический диспут — относятся к западноевропейской «новейшей логике» (*logica modernorum*), или «логике современных» (XII—XV вв.). Корпус теорий «старой логики» черпал свое вдохновение в Аристотелевых «Категориях» и «Об истолковании» и комментариях к ним. Концепции «новой логики» фокусировались вокруг заново открытых средневековым Западом «Аналитик», «Топики» и «О софистических опровержениях». Все три направления мирно уживались в лицах и трактатах известных и сегодня логиков позднего Средневековья — У. Шервуда, В. Бурлея, У. Оккама, Ж. Буридана, их последователей, а также многочисленных анонимных авторов.

Основная цель данной статьи — показать, что практически полное отсутствие связи между теорией суппозиции и теорией и практикой логического диспута есть следствие того, как средневековые логики понимали цели, задачи, и в целом охарактеризовать проблематику данных учений. Для этого сначала будут кратко представлены обе концепции, затем схематично очерчены основные современные подходы к изучению каждой из них (разделы «Суппозиции» и «Предписания»), и пояснено, почему имеются основания ожидать применения техники суппозиций в логическом диспуте. После этого на материале анонимного трактата XIII в., одного из немногих, где эта техника использована, я попытаюсь обосновать мою центральную гипотезу (раздел «Суппозиции и предписания в Анонимном трактате XIII в.»). Она состоит в том, что средневековые логики считали теорию суппозиции учением, по проблематике относящимся к жанру комментариев к Аристотелевым «Категориям» и «Об истолковании», т. е. в некотором роде к «старой логике». Вместе с тем, поскольку в рамках «новейшей логики» она была переформулирована и получила новое звучание, то ее стали связывать с корпусом других разде-

* Работа выполнена при поддержке РФНФ, грант № 06-03-00497а

© Е. Н. Лисанюк, 2009

лов «логики современных». Однако концептуальной связи между ними нет, и именно поэтому даже в тех моментах логических диспутов, где, как кажется, вполне можно было задействовать методика, предлагаемую теорией суппозиции. этого не происходит.

1. Суппозиции

Средневековая теория свойств терминов, или теория суппозиции, — это концепция анализа значения терминов¹ на основе контекста высказывания. Некоторые средневековые магистры полагали, что постоянным остается смысл термина², а меняется референциальное значение³, другие считали, что дело обстоит наоборот: область референциального значения неизменна, а меняется смысловое значение⁴. Различие в понимании по существу связано со знаменитой средневековой дискуссией об универсалиях. Сторонники реализма больше склонялись тому, чтобы считать смысл константой, а в лагере концептуалистов и номиналистов преобладало мнение, что каждый термин имеет некую неизменную область референции. Вследствие того, что один и тот же термин естественного языка способен обозначать одновременно объекты, вещи и явления, обладающие различным онтологическим и гносеологическим

¹ Под термином «средневековые» ученые понимали субъект и предикат высказывания, часто термином назывались просто составные части высказывания, обладающие самостоятельным статусом, т. е. могущие служить терминами сами по себе; например, глагол-связка — тоже термин, а также словосочетание, выступающее в роли субъекта или предиката высказывания, но не знак отрицания или квантор. Понятия «квантор» в строгом смысле этого слова в Средневековье не было; логики оперируют термином «знак» — например, знак всеобщности, функции которого выполняют особого типа слова — *omnis, quaelibet* и др., частный знак — «*aliquis*», а также знаки отрицания.

² *Обозначение* (*significatio*) — это относительно постоянное смысловое значение общего термина, часто его реальное определение — через род и видовое отличие; под обозначением большинство средневековых ученых понимало как само это определение, т. е. смысл слова, так и процедуру обозначения, т. е. установления соответствующей зависимости между данным словом как знаком и его смыслом, реальным определением.

³ См., напр.: *Peter of Spain. Tractatus Afterwards Called Summule Logicales* / Ed. by L. M. De Rijk. Assen, 1972. P. 84 etc., а также анализ учения Петра Испанского: *Ebbesen S. Early Supposition Theory (12th—13th centuries)* // *Histoire, Epistemologie, Langage*. 1983. 3, fasc. 1. P. 44–45.

⁴ Такую позицию находим в некоторых ранних трактатах XII в.: *Rijk L. M. De. Logica Modernorum*. Assen, 1962–1967. Vol. 2. P. 264–390 (*Ars Meliduna*). P. 405–450 (*Ut dicit*) и др., а также у У. Шервуда (XIII): *William of Sherwood. Introduction to Logic* / Ed. and transl. by N. Kretzmann. Minnesota, 1966. P. 119 etc., у У. Оккама: *Ockham Guillelmis. Summa Logicae. Opera Philosophica*. Vol. 1. St. Bonaventure. New York, 1974. P. 191 etc., у Ж. Буридана: *Buridan Jean. The Treatise on Supposition* // King P. Jean Buridan's Logic. Dordrecht; Boston, 1985. P. 88 etc.

положением в средневековой системе координат, философы в Средние века усмотрели здесь источник многочисленных двусмысленностей. Так, слово «человек» обозначает реальную субстанцию, Сократа или Платона, людей, существующих в настоящем, и тех, что существовали в прошлом или будут существовать, а также вид «человек» или концепт «человек» наряду с самим словом «человек» как именем или частью речи. Для всех этих случаев были придуманы соответствующие типы суппозиций, число которых варьировалось от 3–5 до 14–15.

В 70-х годах XX в. в зарубежной академической прессе развернулась широкая дискуссия о том, что представляет собой теория суппозиции с точки зрения современной логики и философии языка. Подробно эту дискуссию я уже рассматривала в одной из своих статей о теории суппозиции⁵, поэтому здесь лишь перечислю выдвинутые мнения и возражения. (1) Типы суппозиций указывают на методiku сведения общих терминов к единичным. (2) Теория квантификации, т. е. определение, правила введения и удаления кванторов всеобщности и существования. (3) Теория истинности суждений. (4) Специальная теория вывода.

Возражения против гипотез (1)–(4) состоят в том, что все эти интерпретации так или иначе охватывают лишь 2–3 типа суппозиции и не относятся к остальным.

(5) Особая методика для решения софизмов. Возражение: в трактатах-комментариях к аристотелевскому «О софистических опровержениях» суппозиционный подход либо применяется слабо, либо вовсе отсутствует⁶.

(5) Теория суппозиции — это средневековый вариант теории референции. Это положение П. Гича⁷ было, пожалуй, наиболее долговечным, однако на сегодняшний день и оно отброшено. Возражение: как теория референции учение о суппозициях работало не слишком хорошо, потому что ряд типов суппозиции не указывал референты общих терминов однозначным образом⁸. Наиболее адекватной на сегодняшний день считается точка зрения, согласно которой типы суппозиций терминов указывают возможные варианты прочтения высказывания, которые, в свою очередь, могут иметь различное истинностное значение.

⁵ Лисанюк Е. Н. Теория суппозиции в средневековой логике // *Verbum*. 2000. N 3.

⁶ *Dutilh-Novaes C. Theory of Supposition vs. Theory of Fallacies in Ockham // Vivarium*. 2007. 45(2–3). P. 343–359.

⁷ *Geach P. T. Reference and Generality*. Oxford, 1962. P. 84.

⁸ *Dutilh-Novaes C. Formalisations après la lettre // Study in Medieval Logic and Semantics*. PhD. Dissertation, Leiden University, 2005. — <http://openaccess.leidenuniv.nl/dspace/handle/1887/4288>.

2. Предписания

Средневековый логический диспут с предписаниями — это жанр средневековой логики, известный нам по трактатам В. Бурлея, Р. Строда, Р. Килвингтона, Ж. Буридана и др.⁹ Основные трактаты о предписаниях датируются XIV—XV вв. и описывают особую диалогическую процедуру. Суть ее такова: в логической игре участвуют двое, оппонент и респондент. Респондент должен отстаивать тезис (*positio*) и делать это согласно специальным правилам вывода, во многом повторяющим правила логического вывода; тем самым он принимает на себя логические обязательства (*obligationes*) — предписания. Первое его предписание состоит в том, чтобы принять тезис, как правило, ложный, а второе — отстаивать его как если бы он был истинным. Оппонент выдвигает высказывания, которые на основании предписаний респондент принимает, отвергает или считает не относящимися к тезису, а также оценивает их логическое значение как истинные, ложные или сомнительные. С каждым новым шагом у респондента прибавляется предписаний: в корпус его обязательств включаются всего его ходы, в том смысле, что приняв высказывание как истинное и следующее, респондент автоматически отвергает обратное ему как ложное и не следующее, и изменить свою оценку данного высказывания в одном и том же диспуте он не вправе. Задача респондента — не принять противоречащих высказываний, оппонента — вынудить респондента сделать это¹⁰.

В развитии (теории) предписаний выделяют два этапа: «старый» (*antiqua responsio*), или классический, представленный прежде всего трактатом В. Бурлея «О предписаниях» и «новый» (*nova responsio*), связанный с трудами Р. Килвингтона и Р. Суайнсхеда. Основное отличие этих подходов состоит в следующем. Бурлей понимает логический диспут как особый диалог, в котором ходы производятся по правилам логики, а Килвингтон и Суайнсхед предлагают использовать эту методику для решения софизмов и анализа парадоксов, а не как особый способ построения логического вывода в процессе диалога.

Имеется ряд гипотез касательно современной интерпретации предписаний¹¹. (1) Ряд исследователей понимают предписания как дидактический

⁹ Yrjonsuuri M. *Obligationes* // Acta Philosophica Fennica. 1994. Vol. 55.

¹⁰ Подробно о правилах логических диспутов, особенностях тезисов, казусе и пр. см.: Лисанюк Е. Н. Средневековый диспут // Логико-философские штудии. 2006. Вып. 4. С. 212–228.

¹¹ Некоторые из них рассмотрены в: Лисанюк Е. Н. Современные подходы к реконструкции средневекового логического диспута // Логико-философские штудии. 2008. Вып. 5. С. 101–110. См. также: Dutilh-Novaes C. *Medieval Obligationes as Logical Games of Consistency Maintenance* // Synthese. 2005. 145(3). P. 371–395.

¹² Green R. *The Logical Treatise «De Obligationibus»: An Introduction with Critical Texts of William of Sherwood and Walter Burley*. PhD Thesis. Louvain, 1963.

материал по изучению логики (Х. Кеффер, Р. Грин¹² и др). Против такого подхода свидетельствует тот факт, что трактаты о предписаниях написаны крупнейшими средневековыми логиками. Кроме того, сама логическая игра — достаточно сложное упражнение не только для студента, но и для опытного логика. (2) В середине 70-х годов XX в. некоторые зарубежные авторы (П. Спэйд, Э. Стамп¹³), вдохновленные исследованиями сослагательной импликации Д. Льюиса, предположили, что предписания — это средневековый вариант анализа сослагательной импликации, содержащий некоторые идеи Крипке — семантики. Возражение: данная гипотеза не нашла подтверждения в трактатах Бурлея, т. е. в классическом варианте учения о предписаниях, лишь отчасти — у Килвингтона и других представителей «новых» предписаний. Впоследствии многие сторонники этой гипотезы отказались от нее. Так, Э. Стамп предложила считать предписания (3) методикой решения софизмов и логических парадоксов¹⁴. Идея получила поддержку среди специалистов в области средневековой логики (Ф. Пиронэ, К. Мартин¹⁵, отчасти М. Ирьюнсуури и др.) Возражения: софизмы и парадоксы как разделы «новой логики» появились раньше предписаний и использовались средневековыми магистрами для практической проверки большинства своих логических теорий, так что вряд ли предписания были придуманы специально. К тому же явные упоминания о софизмах содержатся только в «новых» трактатах, а у Бурлея их нет. (4) Х. Лагерлунд и Э. Олссон¹⁶ предложили считать предписания учением об изменении эпистемических установок. Основное возражение состоит в том, что ни о каких установках в предписаниях речь не идет, потому что респондент обязуется защищать тезис только на протяжении данной игры и вовсе не обязан считать его истинным (ложным, сомнительным) вообще. Другое возражение связано с тем, что, согласно правилам предписаний, в процессе данной игры респондент не может изменить своего мнения по поводу высказывания, если он его ранее в этой игре принял как истинное или иррелевантное (отклонил как ложное), в то время как эпистемические установки предполагают изменение убеждений и полаганий. (5) К. Мартин,

¹³ Spade P. V. Three theories of *Obligations*; Burley, Kilvington and Swyneshed on Counterfactual Reasoning // *History and Philosophy of Logic*. 1982. Vol. 3. P. 1–32; Stump E. *Obligations: from the beginning to the Early Fourteenth century* // *Cambridge History of Later Medieval Philosophy* / Ed. by N. Kretzmann, A. Kenny, J. Pinborg. Cambridge, 1982. P. 315–334.

¹⁴ Stump E. The Logic of Disputation in Walter Burley's Treatise on obligations // *Synthese*. 1985. Vol. 63. P. 355–374.

¹⁵ Pironet F. The relations between insolubles and Obligations in Medieval Disputations // *Medieval Formal Logic* / Ed. by M. Yrjonsuuri Kluwer. Dordrecht, 2001. P. 95–114; Martin Christofer. *Obligations and Liars* // *Ibid.* P. 63–94.

¹⁶ Lagerlund H., Olsson E. Disputation and Change of belief — Burley's theory of obligations as a theory of belief revision // *Ibid.* P. 35–63.

Й. ван Бентем высказали, а затем К. Дутил-Новаэс попыталась обосновать идею о том, что предписания — это логические игры в духе П. Лоренцена и Ч. Хэмблина. Формальный аппарат для реконструкции был сформулирован К. Дутил-Новаэс. Исследовательница считает, что наиболее адекватным формализмом является аппарат динамической логики игр.

3. Новый подход к теории суппозиции

Классическая теория суппозиции XIV в., которую находим в трактатах В. Бурлея, У. Оккама и Ж. Буридана, — эффективная методика семантического анализа высказываний. Эта теория активно используется в трактатах о софизмах, консеквенциях, синкатегорематических терминах, иногда в инсолюбильях (парадоксах), т. е. практически во всех жанрах «новой» логики. И только в предписаниях — никогда, за редким исключением. Иными словами, для средневекового логика суппозиция — вполне своеобычное учение, а вот решить вопрос о том, чему она соответствует в корпусе современных логических теорий, оказалось задачей не из простых.

Современный подход к средневековой теории суппозиции состоит в том, что типы суппозиции термина в высказывании — это классификация объектов, могущих быть обозначенными данным термином. Например, термином «человек» могут быть обозначены имя существительное «человек», само слово «человек», понятие «человек», а также все люди — через посредство понятия о людях вообще. Идеи, позже оформленные в учение о суппозициях, находим в разных философских трактатах, подчас далеких от специальных логических. Например, Ансельм Кентерберийский в «Монологионе» пишет: «Например, в одном смысле я говорю о человеке, когда обозначаю его эти именем, «человек»; в другом — когда я молча представляю себе (само) это имя; еще в другом, когда мое сознание (*mens*) созерцает (*intuetur*) человека — или при посредстве телесного образа (*per corporis imaginem*), или через смысл (*per rationem*). Через телесный образ — когда воображается его чувственно воспринимаемая фигура, через смысл — когда ум мыслит (*cogitat*) его всеобщую сущность (*universalem essentiam*), т. е. «животное разумное смертное»¹⁷.

Получается, что необходимо выделять три способа употребления всякого общего термина, среди которых только один указывает на реальные вещи, и, значит, предполагает единичные термины. Эта идея нашла выражение в учениях о суппозициях, где подтипы суппозиций были выделены для персональной, указывающей на то, что общий термин обозначает реальные вещи. Подтипы персональной суппозиции имеются во всех вариантах этого учения, значительно реже встречаются подтипы простой, указывающей, что термин обозначает

¹⁷ Ансельм Кентерберийский. Монологион // Ансельм Кентерберийский. Соч. М., 1995. С. 53.

какие-либо универсалии, как например, у Бурлея. Подтипов материальной суппозиции вовсе не бывает, потому что имеется только один возможный случай использования термина для обозначения самого себя. Тип суппозиции указывает непосредственно на объект, о котором идет речь в данном высказывании — такова позиция Оккама¹⁸. С точки зрения логики, считал он, важно установить дистинкцию между двумя группами объектов: реальными вещами и понятиями в душе. В. Бурлей схожим образом полагал, что типы суппозиции относятся к группам объектов, среди которых имеются и реальные вещи, и универсалии. Ж. Буридан думал, что сам акт приписывания типа суппозиции термину — прерогатива того, кто это высказывание высказывает, или это может быть предметом конвенции в беседе. Ключевым моментом в теории суппозиции XIV в. является идея о том, что смысл высказывания, а следовательно, и его логическое значение могут меняться, если суппозиции терминов квалифицировать по-разному. Рассмотрим высказывание:

(1) *Выдвинуто ложное.*

Субъект высказывания можно рассматривать тройко. Во-первых, в смысле указания на само слово: «выдвинуто ложное» — это была бы материальная суппозиция; в таком случае (1), очевидно, ложно. Во-вторых, термин «ложное» может указывать на само высказывание (1). Суппозиция термина в этом случае — персональная дискретная, и данный термин обозначает высказывание (1), которые имеет смысл.

(1.1) *Данное высказывание выдвинуто, и оно ложное.*

Во-вторых, (1) можно интерпретировать как

(1.2) *Какое-то высказывание ложно.*

В этом случае суппозиция субъект-термина — персональная определенная. Иными словами, определяя тип суппозиции термина, мы уточняем смысл высказывания, в котором он употреблен, путем указания на понятие (объект), обозначаемый данным термином.

Возникает вопрос, можно ли в одном и том же высказывании одному и тому же термину приписать два разных типа суппозиции? Из примера ясно, что в одном и том же высказывании это недопустимо, потому что, приписывая одному термину разные суппозиции, мы получим разные по смыслу высказывания. Различать такие случаи, как (1.2) и (1.1) особенно важно при построении логического вывода, чему собственно и посвящены средневековые трактаты о предписаниях. Почему же суппозиционный подход в этих трактатах почти не используется?

4. Суппозиции и предписания в Анонимном трактате XIII в.

¹⁸ См.: Лисанюк Е. Н. Теория суппозиции в средневековой логике. С. 21–23.

Анонимный «Эммеранский трактат о ложном тезисе» (*Tractatus Emmerani de falsa positione*) вместе с примыкающим к нему анонимным «Эммеранским трактатом о невозможном тезисе» стал доступен современным исследователям в начале 70-х годов XX в., когда после фундаментального сборника ранних терминистских трактатов «*Logica Modernorum*»¹⁹ голландский исследователь де Рейк обратился к предписаниям и опубликовал эти трактаты в журнале «*Vivarium*»²⁰. В последней трети XX в. велись активные дискуссии на тему средневековых предписаний, во многом благодаря публикациям ранних средневековых терминистских трактатов в «*Logica Modernorum*»²¹. Эммеранский трактат (далее — ЭТ) состоит из трех частей. В первой и второй говорится о том, как следует выдвигать тезис и принимать обязательства (предписания) по его отстаиванию, в третьей содержатся правила, регулирующие дальнейшие действия респондента в диспуте, а также несколько примеров — софизмов, иллюстрирующих сложные случаи.

Тезис диспута, — пишет анонимный автор ЭТ, — это некоторое высказывание, к которому добавлено выражение «предположим, что данное высказывание истинно». Автор считает, что ложное или невозможное высказывание, — для того, чтобы быть тезисом диспута, должно быть выдвинуто именно таким образом, потому что истинное высказывание может выдвигаться в качестве тезиса само по себе. Это происходит вследствие того, что, высказывая или услышав какое-либо предложение, мы первоначально понимаем его как истинное и только потом можем установить, что оно на самом деле неистинное. Практически любое высказывание может быть тезисом диспута, за ис-

¹⁹ *Rijk L. M. de. Logica Modernorum. Vol. 1–2. Assen, 1962–1967.*

²⁰ *Rijk L. M. de. 1) Some Thirteenth Century Tracts on the Game of Obligation I // Vivarium. 1974. 12. P. 94–123; 2) Some Thirteenth Century Tracts on the Game of Obligation II // Ibid. 1975. 13. P. 22–54; 3) Some Thirteenth Century Tracts on the Game of Obligation III // Ibid. 1976. 14. P. 26–49. Имеется перевод на англ. яз. см.: The New Synthese Historical Library. Vol. 49. Medieval Formal Logic: Obligations, Insolubles and Consequences / Ed. by M. Yrjonsuuri. 2001. P. 199–215.*

²¹ *Angelelli I. The Techniques of Disputation in the History of Logic // Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. P. 800–815; Ashworth E. J. 1) The Problems of Relevance and Order in Obligational Disputation: Some Late Fourteenth Century Views // Medioevo. 1981. Vol. 7. P. 175–193; 2) Inconsistency and Paradox in Medieval Disputations: A Development of Some Hints in Ockham // Franciscan Studies. 1984. Vol. 44. P. 129–139; 3) English Obligations Texts after Roger Swyneshed: The Tracts beginning «Obligation est quadam ars» // The Rise of British Logic / Ed. by P. Osmund Lewry. Toronto, 1985. P. 309–333; 4) Renaissance Man as Logician: Josse Clichtove (1472–1543) on Disputations // History and Philosophy of Logic. 1986. Vol. 7. P. 15–29; 5) Ralph Strode on Inconsistency in Obligational Disputations // Argumentationstheorie / Ed. by K. Jacobi. Leiden; Brill, 1993. P. 363–384; Braakhuis H. A. G. 1) Albert of Saxony's *De Obligationibus*. Its Place in the Development of Fourteenth Century Obligational Theory // Ibid. P. 323–341; 2) Obligations in Early Thirteenth Century Paris: The *Obligaciones* of Nicholas of Paris // Vivarium. 1998. Vol. 36.*

ключением следующего: «предположим ложное», потому что принятие этого высказывания влечет противоречие. Вместе с тем данное высказывание, взятое в дизъюнкции с любым истинным высказыванием, может быть выдвинуто как тезис диспута. Основное правило для респондента состоит в том, что ему предписывается принимать все, что логически выводимо из принятого тезиса. При этом «логически выводимо» означает вывод согласно средневековым представлениям о выводе. Например, если тезис

(2) «Сократ бел»,

то респондент обязан принять, что

(3) «Сократ имеет цвет».

Здесь (3) следует из (2) по правилу формальной консеквенции²².

В некоторых случаях допускается принять и ложное высказывание, руководствуясь порядком их выдвижения: «Если нечто ложное и возможное выдвинуто, нечто ложное и возможное должно иногда принять, но не как выдвинутое в любом порядке, но лишь в некотором. Как, например, в следующем случае. Истина состоит в том, что Сократ черен. Выдвигается, что Сократ бел. Затем выдвигается: Сократ бел и ты не епископ. Это ложно и не следует из тезиса. Следовательно, это нужно отвергнуть. Следовательно, должно вывести противоположное ему, а именно это: неверно, что Сократ бел и ты не епископ. Однако Сократ бел, это тезис. Следовательно, это должно принять. Следовательно, неверно, что ты не епископ. Следовательно, ты епископ. Очевидно, что здесь необходимо принять это ложное в этом порядке, потому что оно следует из тезиса и высказываний, которые были корректным образом выведены из него. Но если бы они были выдвинуты первоначально, нужно было бы отвергнуть их, так как это было бы нечто ложное и не следующее»²³.

Суппозиционный подход в ЭТ встречается только в одном месте — при обсуждении правил для высказываний с так называемыми относительными терминами. Автор трактата считает существенным отметить, что когда выдвигается высказывание «Какой-то человек существует; предположим, что он бежит», респондент должен принять лишь одно из высказываний «Сократ бежит», «Платон бежит», «Цицерон бежит», «Он бежит». Поступить так нужно потому, что относительный термин в первом из высказываний указывает не на дистрибутивную, но на определенную суппозицию. Согласно правилам суппозиций дистрибутивная суппозиция общего термина позволяет вывести из данного высказывания ряд высказываний с единичными субъект-терминами через конъюнкцию:

²² Лисанюк Е. Н. Типы консеквенций в логике В. Бурлея // Вестник СПбГУ. 2000. Сер. 6. Вып. 2. № 14. С. 53.

²³ The New Synthese Historical Library. Vol. 49. *Medieval Formal Logic*. 2001. P. 203.

«Мы должны заметить, что если тезис содержит относительный термин, относящийся к термину с дистрибутивной суппозицией, должно вывести все единичные термины под эти общим. Так, когда говорится: “Всякий человек существует; предположим, что он бежит”, должно вывести все эти: Сократ бежит, Платон бежит, и так далее для всех остальных. Аналогично, когда говорится: “Сократ существует; предположим, что он бежит”, должно вывести этот единичный: Сократ бежит»²⁴.

Определенная суппозиция позволяет от общего субъект-термина перейти к определенному субъект-термину, поэтому если в тезисе был неопределенный термин, должно принять только один соответствующий определенный. Автор ЭТ, рассуждая о правиле для относительных терминов, упоминает дистрибутивный и определенный типы суппозиции, других примеров использования суппозиционного подхода в трактате нет. Так, третий случай употребления относительного термина состоит в том, что если выдвинут тезис «Сократ бел», а на самом деле Сократ черен, и затем выдвигается «Цвет присущ Сократу. Это (цвет) есть белизна», то нужно принять, что цвет есть белизна, а также что белизна есть белизна. В этом случае можно было бы ожидать указания на суппозиции терминов «цвет» и «это (цвет)», ведь в первом случае суппозицию термина можно понять и как простую, и как персональную. Однако автор этого не делает.

Не использует он суппозиционный подход и в рассуждениях о том, что нельзя выдвинуть высказывание «выдвинуто ложное», хотя использование методики суппозиций было бы уместно, как показано выше в примерах (1.1) и (1.2). Впрочем, в трактате ЭТ мы встречаем, пожалуй, единственный случай использования суппозиционного подхода в диспуте с предписаниями. Упоминания о консеквенциях, т. е. правилах вывода, в этих трактатах тоже отсутствуют.

* * *

Приведем аргументы в пользу гипотезы о том, что суппозиционный подход практически не упоминается в трактатах о предписаниях вследствие того, что они относятся к разным разделам средневековой логики.

(1) Для средневекового логика суппозиции и консеквенции — это разделы учения о логическом выводе²⁵, тогда как предписания — это практическое искусство диспута, где участвуют те, кто логическими учениями уже овладел.

(2) Средневековые учебники, как правило, содержат сведения о логических теориях, а предписания — это отдельный жанр, оформляемый отдельным трактатом.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ Лисанюк Е. Н. Типы консеквенций в логике В. Бурлея.

(3) В трактатах о предписаниях в правилах для отвечающего говорится, что, принимая или отвергая высказывания, он должен руководствоваться не только их логическим значением, но также тем, следует данное высказывание из ранее принятых или нет. При этом собственно логические правила, согласно которым данное высказывание следует или не следует, обычно не упоминаются вовсе за редким исключением.

(4) В трактатах о предписаниях ссылки на «логическую классику» — Аристотеля, Боэция, встречаются крайне редко в отличие от логических компендиев, где это весьма распространено.

Получается, что средневековые магистры отводили трактатам о предписаниях особое место, в корне отличное от других логических теорий. Предписания — это не трактат по логике, но теория участия в диспуте, где в роли правил выступают логические постулаты и логические теории, в том числе и учение о суппозициях. Вследствие этого сами логические теории как обосновывающие легитимность ходов в контексте диспута с предписаниями избыточны, и, следовательно, упоминание о них излишне.